

I.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РОССІЙСКОЕ Консульство въ Яссахъ отношеніемъ отъ 27 августа сего года за № 474 увѣдомило Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Епископа Серафима, что Консульствомъ визированъ паспортъ Румынско-подданной, монахинѣ Варатикскаго женскаго монастыря, отправляющейся въ Бессарабскую губернію для свиданія съ родными.

Въ виду сего о.о. благочинные и настоятели церквей имѣютъ наблюдать, дабы означенная монахиня не привозила какихъ либо святынь и не производила никакихъ сборовъ.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

НАЗНАЧАЮТСЯ

Окончившій дух. семинарію Феодоръ *Петко*—на священническое мѣсто къ ц. с. Черлено Маре, Хотин. уѣз. 13 сент.

Окончившій дух. семинарію Григорій *Гримальскій*—на священническое мѣсто къ ц. с. Бузовицы, Хот. уѣз. 9 сент.

Псаломщикъ ц. с. Задунаевки, Аккер. уѣз. Евѡимій *Кирилловъ*—діакономъ къ той же ц. на псаломщической вакансіи, 12 сент.

С. Паланка	862	33	—
С. Оницканы	800	66	—
<i>Аккерманскаго утзда:</i>			
М. Байрамча 2 мѣсто	100	—	1000

IV.

Отъ Кишиневской Духовной Консистеріи.

Вслѣдствіе отношенія предсѣдателя Комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе храма памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія, отъ 4 августа 1911 года за № 713, Кишиневская духовная Консистерія предлагаетъ причтамъ церквей, настоятелямъ и начальницамъ монастырей и скитовъ Кишиневской епархіи произвести по церквамъ въ 1911 году 26 сентября въ день св. апостола Іоанна Богослова за литургіей, а въ 1912 и 1913 г.г. въ первый воскресный день послѣ св. Крещенія, т. е. 8 января 1912 г., за литургіей же, сборъ пожертвованій на сооруженіе храма-памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія, разрѣшенный опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 1—4 іюля 1911 года за № 4942, напечатаннымъ въ № 29 Церковныхъ Вѣдомостей за 1911 годъ, и собранныя деньги, чрезъ благочинныхъ, представить въ Консистерію для отсылки въ С.-Петербургъ въ Главное Управление Генеральнаго Штаба, Дворцовая площадь № 10.

Рѣчь воспитанникамъ Кишиневской духовной семинаріи предъ началомъ ученія, 1911 г.

Св. апостоль Павелъ съ особою настойчивостью внушаетъ христіанамъ, что вся цѣль его проповѣди состоитъ въ томъ, чтобы въ нихъ, вѣрующихъ, «вообразился Христосъ» (Гал. 4 гл. 19 ст.); поэтому онъ и призываетъ ихъ всѣмъ своимъ поведеніемъ, всею своею жизнію подражать Христу: «сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ», (Фил. 2 гл. 5 ст.), пишетъ онъ въ посланіи къ филиппійцамъ, т. е. пусть будутъ въ васъ тѣ же чувствованія, такое же настроеніе, какое было въ Іисусѣ Христѣ.

Іисусъ Христосъ есть образецъ для всѣхъ насъ, въ какомъ-бы возрастѣ и положеніи мы ни находились. Онъ Самъ сказалъ своимъ ученикамъ: «Образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ и вы творите такожде» (Іоан. 13 гл. 15 ст).

Всякій человѣкъ, «созидающій себя въ жилище Божіе Духомъ» (Еф. 2 гл. 22 ст.), найдетъ въ Іисусѣ Христѣ норму правильной жизни и живой примѣръ святости. И этотъ примѣръ доступенъ всѣмъ, даже слабымъ и немощнымъ. И вы, возлюбленные юноши, въ вашемъ положеніи младшихъ членовъ родной семьи и воспитанниковъ духовной школы найдете въ Іисусѣ Христѣ образецъ для вашей жизни.

Возьмемъ жизнь Спасителя въ домѣ родителей; Онъ, говоритъ евангелистъ, «бѣ повинуюся има» (Лука 2 гл. 51 ст.). Это послушаніе и повиновеніе своимъ родителямъ обязательно и для васъ,—и если вы будете его исполнять, вы будете истинными хри-

стіанами, всегда счастливыми и довольными: «благо ти будетъ и долготѣтенъ будеши на земли» (Исх. 20 гл. 12 ст.). обѣщаль Господь чтущему своихъ родителей.

Посмотримъ, какъ онъ держитъ себя «посредѣ учителей». Всѣ видятъ его «послушающимъ ихъ и вопрошающимъ ихъ» (Лук. 2 гл. 46 ст.). И здѣсь особенно замѣчательно, что къ этимъ учителямъ ни родители привели Его, ни сами учителя пришли къ Нему, но Онъ Самъ искалъ ихъ, и, когда нашель, съ такимъ вниманіемъ слушалъ ихъ.

И вамъ нужно съ охотою изучать всѣ науки, какія здѣсь преподаются, внимательно слушать объясненія наставниковъ и самимъ проявлять похвальную любознательность.

Господь не былъ въ школѣ, въ какой находитесь вы,— «Онъ зналъ всѣ книги «не учився» (Іоан. 7 гл. 15 ст.). Онъ изученіе священныхъ истинъ считалъ непремѣннымъ долгомъ всякаго вѣрующаго: «испытайте писаній» (Іоан. 5 гл. 39 ст.), т. е. изслѣдуйте, угадайте писанія, говорилъ Онъ. А отъ учителей израилевыхъ Онъ требовалъ болѣе обстоятельнаго знанія въ предметахъ духовныхъ и укорилъ Никодима, когда тотъ не понималъ, какъ можетъ человѣкъ родиться свыше: «ты учитель израилевъ и сихъ ли не вѣси» (Іоан. 3 гл. 10 ст.), сказалъ Онъ ему. Вотъ почему и первоверховный апостоль, приближеннѣйшій ученикъ Христовъ, самъ неученый рыбарь, св. Петръ однакоже заповѣдалъ послѣдователямъ Христа: «всегда быть готовыми дать отвѣтъ всякому, требующему у васъ отвѣта въ вашемъ упованіи». (1 Петр. гл. 3, 15 ст.).

Посему и вамъ нужно обратить самое строгое вниманіе на свое богословское образованіе, чтобы во всеоружіи выступить на защиту Христовой истины противъ невѣрія и вольнодумства и оградить Церковь Христову отъ волковъ «нужащихъ ю».

Но скажутъ намъ, богословское образованіе мы признаемъ, но зачѣмъ-же изучать свѣтскія науки, особенно языки, математику, философію? Затѣмъ, отвѣчу я, чтобы быть человѣкомъ образованнымъ и чтобы яснѣе и полнѣе понимать истины откровенія. Одинъ католическій ученый (о. Кассетъ) пишетъ: «Люди не имѣютъ достаточно вѣры, чтобы слушать насъ, какъ представителей Бога на землѣ; они насъ почитаютъ и принимаютъ, благодаря нашимъ природнымъ пре-

имуществамъ предъ ними. Такъ бывало во всѣ времена. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, Моисей погружался въ мудрость Египетскую, Ездра въ мудрость вавилонскую, св. апостоль Павелъ въ мудрость грековъ, а Юліанъ отступникъ, чтобы лишить священниковъ вліянія, запретилъ имъ изучать, что бы то ни было, за исключеніемъ Евангелія»

Всѣ предметы учебнаго курса имѣютъ своею цѣлью не только сообщить вамъ богатый запасъ знаній всякаго рода, но, главнымъ образомъ, развить ваши способности, расширить вашъ умъ, чтобы вы могли понимать и усваивать и богословское ученіе. А для этой цѣли математика, языки, философскія науки имѣютъ преимущественное значеніе.

Добросовѣстно изучая свѣтскія науки, какъ необходимыя для общаго образованія, только помните, возлюбленные юноши, что для васъ богословское образованіе и важнѣе всего, и необходимѣе всего. Извѣстный Франке, въ Германіи, говоритъ: «наималѣйшая крупица живой вѣры вѣситъ болѣе, нежели цѣлые пуды историческаго знанія, и наимичтожнѣйшая капелька истинной любви обширнѣе цѣлаго моря познаній всѣхъ таинствъ мирозданія. Въ итогѣ—путь къ вѣчному блаженству черезъ Евангеліе есть пусть любви, мира и спокойной, ясной работы ума».

Помолимся же Господу, чтобы Онъ, «премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрыхъ Наказателю», просвѣтилъ и вразумилъ насъ. Аминь.

Ректоръ сем. Арх. Зиновій.

Молдавскія похоронныя причитанія.

I.

Народную поэзію можно разсматривать съ эстетической точки зрѣнія, можно любоваться ея красотой, въ отдѣльности анализировать каждое ея свойство изъ всей совокупности художественныхъ данныхъ, создающихъ общее впечатлѣніе этой красоты. Красота, художественность,—это то, что прежде всего бросается въ глаза, въ устной поэзіи народа. Художественная оцѣнка народной поэзіи напрашивается, поэтому, сама собою прежде какой либо другой. Тутъ предъявляетъ свои закон-

ныя права наша эстетика, наше чувство прекраснаго, и мы, конечно, не можемъ игнорировать этихъ правъ.

Но одной художественной оцѣнки недостаточно. Красота— дѣло вкуса, а эстетическая оцѣнка, благодаря этому, по необходимости должна быть болѣе или менѣе субъективной. То, что одинъ расхвалитъ, другой найдетъ ниже всякой критики. Устойчиваго художественнаго критерія напрасно стали бы мы искать даже при оцѣнкѣ произведеній искусственной изящной литературы, несмотря на солидный запасъ культурнаго опыта, за все время ея послѣдовательнаго развитія. И говорить нечего о безхитростной и въ то же время чрезвычайно своеобразной поэзіи народа. Художественный критерій, какъ нѣчто устойчивое, разъ навсегда данное, здѣсь, впрочемъ и не такъ нуженъ. Своеобразныя въ своей примитивности формы народной поэзіи не могутъ имѣть особенной цѣнности какъ опредѣленные, законченныя художественныя явленія; онѣ интересны для насъ скорѣе какъ выраженія внутренней, духовной жизни народа. Поэтому, кромѣ художественной, для насъ важна и другая ихъ оцѣнка, которую мы назовемъ чисто-научной, единственно объективной. Это, другими словами,—изслѣдованіе, изученіе *народной словесности* съ цѣлью изученія *народа*. Съ цѣлью изученія къ народу можно подходить съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ; но, съ какой бы стороны мы къ нему ни подошли, вездѣ мы столкнемся съ его словесностью, преимущественно въ видѣ поэзіи. Такимъ образомъ, поэзія народа подлежитъ нашему методическому изслѣдованію въ первую очередь. И только въ предѣлахъ этого изслѣдованія мы найдемъ устойчивыя, достовѣрныя нормы для опредѣленія какъ всего комплекса внутренней жизни народа, такъ и тѣхъ типовъ народной поэзіи, въ которыхъ такъ или иначе кристаллизовались особенно интересующія насъ коллективныя идеи и чувствованія народной массы. Эстетическая оцѣнка тутъ отходитъ на второй планъ; ея роль становится лишь сопутствующей, вспомогательной. Главная доля вниманія отдается не самымъ красивымъ произведеніямъ народа, а самымъ своеобразнымъ, оригинальнымъ, наиболѣе отразившимъ его личную и творческую индивидуальность. вмѣстѣ съ оригинальностью научное изслѣдованіе отдаетъ предпочтеніе безхитростности, безыскусственности, простотѣ, какъ существеннымъ условіямъ сво-

боднаго проявленія индивидуальности. Съ этого оно и начинается. Въ виду чрезвычайнаго богатства и разнообразія мыслей, чувствъ и переживаній въ содержаніи народной словесности представляется наконецъ неизбѣжнымъ производить изслѣдованіе подъ однимъ какимъ нибудь угломъ зрѣнія,—иначе невозможна систематизація матеріала и его изложеніе въ необходимой логической послѣдовательности.

Предлагаемый очеркъ, далеко не претендующій на полноту, представляетъ опытъ такого изслѣдованія одной изъ простѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ формъ почти совершенно не обслѣдованной и не разработанной народной поэзіи бессарабскихъ молдаванъ. Это—причитанія надъ покойниками, —непремѣнная принадлежность молдавскихъ похоронныхъ церемоній. Съ интересующей насъ стороны—въ смыслѣ показателя религіозно-бытовыхъ, и религіозно-культурныхъ понятій молдавскаго народа Бессарабіи—названныя причитанія въ высшей степени любопытны. Этотъ именно уголъ зрѣнія и послужитъ намъ основаніемъ для систематизаціи несомнѣнно цѣннаго матеріала, который мы получимъ при ближайшемъ ознакомленіи съ ними. Примѣняя въ дальнѣйшемъ упомянутые выше приемы объективнаго изслѣдованія, мы будемъ останавливаться, поскольку это представится умѣстнымъ, и на чисто художественныхъ данныхъ разбираемаго рода молдавской народной словесности.

Причитанія при погребеніи умершихъ, какъ одинъ изъ видовъ народнаго творчества, насчитываютъ за собою не одинъ десятокъ столѣтій. Онѣ были извѣстны еще въ древнемъ Египтѣ, гдѣ такъ сильно былъ развитъ культъ мертвыхъ со всѣми его атрибутами. Однимъ изъ такихъ атрибутовъ были наемныя плакальщицы, безъ которыхъ не обходилось ни одно египетское погребеніе. Это былъ цѣлый институтъ, находившійся въ глубокой, непосредственной связи со всѣми другими установленіями государственной религіи. Плакальщицы, число которыхъ зависѣло отъ богатства, пышности и торжественности всей вообще погребальной обстановки, напѣвали свои минорныя мелодіи подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ, и то, что онѣ пѣли, походило на лирическія произведенія, которыя мы въ настоящее время назвали бы элегіями. Плакальщицы—были народныя поэтессы, представительницы скорбной лирики, въ противоположность эл-

линскимъ рапсодамъ—эпикамъ ¹⁾), появлявшіяся въ самые печальные моменты человѣческой жизни. Почитаніе покойниковъ, доведенное до крайнихъ предѣловъ, было ближайшимъ, непосредственнымъ условіемъ, способствовавшимъ возникновенію у египтянъ этого института, а вмѣстѣ съ нимъ и погребальныхъ причтаній. Весь культъ Египта былъ проникнутъ жаждой жизни, неотступной мыслью о смерти вмѣстѣ съ горячимъ желаніемъ обезсмертить каждый поступокъ человѣка, сохранить для потомства каждый камень заложенной имъ постройки. Живя на землѣ, египтянинъ думалъ лишь о томъ, какъ бы оставить побольше слѣдовъ своего существованія. Онъ любилъ жизнь, такъ же, какъ любилъ свое солнце, своего бога Ра, въ которомъ, по его представленіямъ, былъ источникъ всякой жизненной силы для природы и человѣка. Вотъ въ этомъ солнечномъ культѣ кроется другое необходимое условіе возникновенія института египетскихъ плакальщицъ. Безъ него не было бы и культа мертвыхъ. Солнце—для египтянина это жизнь. Ощущеніе жизни—это ощущеніе его яркаго свѣта, живительной теплоты, ощущеніе постоянной пульсаціи, игры тѣхъ силъ въ человѣкѣ и природѣ.—источникъ которыхъ—солнце. Нѣтъ солнца—нѣтъ жизни. Смерть—это отсутствіе солнца, его свѣта, его теплоты, отсутствіе движенія, игры солнечныхъ силъ. За порогомъ бытія начинается темная холодная область суда и воздаяній, которая для египтянина всегда оставалась покрытой непроницаемой завѣсой таинственности и загадочности, несмотря на всѣ его старанія приподнять эту завѣсу. Находясь постоянно лицомъ къ лицу со сверкающе знойнымъ небомъ Аѳрики, египтянинъ питалъ органической страхъ къ мраку и холоду, которые, какъ онъ чувствовалъ, были неизбежны за гробомъ. И, подражая вѣчно созидающимъ силамъ солнца, онъ всю жизнь спѣшилъ увѣковѣчить себя какими либо созданіями,—все равно—были ли это созданія, сложенные изъ безстрастно—переживающихъ тысячелѣтія каменныхъ громадъ, изъ военныхъ подвиговъ безсмертной славы или изъ воспѣвающихъ эти подвиги строфъ. Онъ утѣшался при мысли, что какой нибудь самый далекій его потомокъ будетъ читать его имя на гробницѣ, саркофагѣ, узнаетъ, что когда-то

¹⁾ Последніе, какъ извѣстно, воспѣвали подвиги боговъ и героевъ почти исключительно на пирахъ и свадьбахъ.

жилъ и вмѣстѣ съ Озирисомъ—солнцемъ *созидалъ жизнь*, а предъ отходомъ въ царство невѣдомаго его современники достойнымъ образомъ оплачутъ его, прославятъ, и высѣченная на надгробномъ камнѣ надпись будетъ всѣхъ извѣщать, что подъ камнемъ лежитъ онъ, перевоплотившійся въ Озириса-Ра, слившійся съ нимъ. Это-то оплакиваніе покойника не только родными, но и современниками, возлагалось на наемныхъ плакальщицъ. Въ своей сущности это наемное рыданье было *первымъ прославленіемъ* покойника послѣ его смерти. Египтянамъ, повидимому, вѣрилось, что чѣмъ больше плакальщицъ (замѣтимъ опять—*чужихъ, наемныхъ*) будетъ сопровождать покойника къ мѣсту упокоенія, тѣмъ онъ будетъ *славнѣе* среди потомства.

Нѣсколько ниже мы увидимъ, что культовая почва, на которой выросъ этотъ институтъ плакальщицъ у египтянъ, является до извѣстной степени типичной и для другихъ религіозныхъ міровоззрѣній язычества, принявшихъ и передавшихъ христіанскимъ народностямъ этотъ институтъ, хотя, быть можетъ, и не въ той юридически-непреложной формѣ, въ какой онъ существовалъ въ благоговѣвшей предъ мертвыми странѣ Нила и пирамидъ. Вездѣ гдѣ въ миѳологіи вообще имѣлись элементы солнечнаго культа, при благопріятныхъ условіяхъ возникалъ и культъ мертвыхъ, культъ предковъ. А гдѣ были на лицо эти два условія—тамъ недалеко было и до наемныхъ плакальщицъ. Между этими двумя языческими культами и практикой наемнаго похороннаго оплакиванія, очевидно, можно установить извѣстнаго рода закономерность. Религіозно-общественная мысль шла повидимому тѣми же точно путями, что и у египтянъ: 1) солнце—жизнь; 2) неудержимая жажда солнца—жизни, стремленіе слиться съ нимъ; 3) боязнь смерти, какъ потери солнца, точнѣе солнцеощущенія; 4) сознание неизбежности смерти для человѣка; 5) выходъ изъ коллизіи—стремленіе жить послѣ смерти вмѣстѣ съ солнцемъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ послѣдующихъ поколѣній; 6) убѣжденіе, что оплакиваніе и прославленіе покойника чужими женщинами—лучшій залогъ его славы въ будущемъ; 7) идея вознагражденія женщинъ за услугу умершему¹⁾.

Трудно сказать что нибудь опредѣленное о первоначаль-

¹⁾ Женщины, повидимому, всегда и вездѣ считались создательницами славы, общественнаго мнѣнія.

номъ вліяніи религіи Египта на древне-греческій культъ. Какъ бы то ни было, для насъ важно то, что въ этомъ культѣ видную роль играло почитаніе солнца, правда, носившее нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у египтянъ, но пронизывавшее лучами своей жизнерадостности всю греческую миѳологію. Отсюда само собой разумѣется, не могло быть абсолютнаго равнодушія и къ покойникамъ. А это уже благопріятная почва для обычая нанимать на похоронахъ плакальщицъ—который и наблюдается у эллиновъ въ послѣдующихъ формахъ ихъ культа. Римскій культъ, уже въ раннія эпохи своего существованія подпавшій полной эллинизации, тоже усвоилъ элементы солнечнаго почитанія, а преклоненіе предъ умершими и вообще обожаніе предковъ тутъ находитъ себѣ еще большія симпатіи, чѣмъ въ Элладѣ, получивъ въ послѣдствіи законченнй видъ въ обоженіи умершихъ цезарей. Понятно, что обычай нанимать плакальщицъ долженъ былъ занять тутъ и болѣе видное мѣсто, что, конечно, и соотвѣтствовало дѣйствительности. Языческая религія древнихъ славянъ, религія солнечная по преимуществу, тоже не чужда была культа покойниковъ, а вмѣстѣ съ нимъ, по всей вѣроятности и оплакиванія мертвецовъ чужими за опредѣленное вознагражденіе. По крайней мѣрѣ, славянскія христіанскія племена (у насъ въ Бессарабіи малороссы, болгары) сохранили въ своей обрядности плакальщицъ и причитанія¹⁾.

Если бы мы не сдѣлали бѣглаго обзора религіозной идеологіи народовъ съ солнечными культами, намъ непонятно было бы, откуда наконецъ и у бессарабскихъ молдаванъ рѣдкое по своеобразности причитыванье похоронныхъ стиховъ надъ покойниками, въ которомъ принимаютъ участіе не только *родныя* умершему, но и *чужія* женщины. Для насъ тогда осталось бы загадкой очень многое и въ самомъ содержаніи молдавскихъ причитаній, въ тѣхъ религіозно-космологическихъ идеяхъ, въ тѣхъ понятіяхъ о загробной жизни, въ тѣхъ народно-философскихъ обобщеніяхъ, которыя встрѣтятъ насъ здѣсь на каждомъ шагу. При свѣтѣ же религіозной идеологіи солнечнаго культа намъ станетъ ясно, что молдаване,—быть можетъ, одинъ изъ немногихъ христіанскихъ народовъ, во всѣхъ подробностяхъ удержавшій языческой институтъ плакальщицъ вмѣстѣ съ опредѣлившимъ его кругомъ пред-

¹⁾ Впрочемъ, у нихъ причитаютъ, кажется, только домашніе.

ставленій о солнцѣ, жизни и смерти, построеннымъ по схемѣ изложеннаго выше египетскаго міровоззрѣнія.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что плакальщицы и причитанія у молдаванъ не представляютъ собою заимствованія у какого нибудь изъ сосѣднихъ народовъ, а являются прямымъ наслѣдіемъ древнеримскаго культа. Въ этомъ убѣждаетъ насъ относящаяся къ нимъ латинская терминологія. Для обозначенія причитаній молдаване употребляютъ техническіе термины *а вочі* *бѳчѳт* или *вочіѳт*, и *вочіѳн*. Всѣ эти термины происходятъ отъ латинскаго *vox*—голосъ и указываютъ на громкіе голоса причитавшихъ плакальщицъ. Молдавскому глаголу *а вочі*—(причитать па похоронахъ) очевидно когда-то соотвѣтствовалъ латинскій *vocare*, первоначальное значеніе котораго—голосить. Отсюда и молдавское инфинитивное (т. е. произошедшее отъ неопредѣленнаго наклоненія) существительное—*вочіѳн* (*самый актъ причитыванья*). Два другія обозначенія—*бѳчѳт* или *вочіѳт* происходятъ отъ латинскаго *vocatus* (дословно—*голошенье*; оба термина означаютъ *причитаніе въ смыслъ того, что причитывается*). Вся терминологія молдавскихъ похоронныхъ причитаній содержитъ въ себѣ одно общее понятіе о голосащихъ плакальщицахъ, очень вѣрно рисуящее картину древне римскаго погребенія. Плакальщицы, у римлянъ, распускали волосы въ знакъ глубокаго горя—и это не замедлило также отразиться въ начальномъ моментѣ молдавскаго похороннаго ритуала. Когда одна изъ родныхъ умершему женщинъ,—обычно сестра или дочь—дѣвица тотчасъ послѣ его смерти расплетаетъ косу и въ такомъ видѣ нѣсколько разъ обходитъ домъ, въ которомъ лежитъ умершій, давая своими причитаніями знать сосѣдямъ и въ особенности сосѣдкамъ о семейномъ горѣ. Это другая подробность римской погребальной обрядности, цѣликомъ перешедшая къ молдаванамъ. По аналогіи, такимъ же, римскимъ языческимъ наслѣдіемъ можно считать и прочіе погребальные обычаи молдаванъ, какъ на примѣръ, господствующую роль женщинъ въ похоронныхъ церемоніяхъ, быть можетъ, особенно любовное и заботливое отношеніе къ покойникамъ и др. Безспорно, содержаніе интересующихъ насъ причитаній тоже является по существу древне—римскимъ, и заключаетъ сторонніе элементы лишь въ качествѣ привходящихъ. Если же при ознакомленіи съ этимъ содержаніемъ

намъ бросится въ глаза упомянутое выше сходство съ древне-египетскимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, то это будетъ только лишнимъ подтвержденіемъ того, что такое міровоззрѣніе существовало и у римлянъ, какъ у народа, усвоившаго солнечный культъ.

Причитанія у молдаванъ начинаются съ момента расплетенія косы одною изъ самыхъ близкихъ родственницъ покойника. Это обычно служитъ сигналомъ, по которому въ домъ покойника собираются женщины изъ околотка ⁴⁾. Послѣ перенесенія умершаго изъ «камары» (комната для жилья) въ «каса маре» (комната для приѣма гостей и праздничныхъ собраній), послѣдняя наполняется родственницами и сосѣдками, которыя начинаютъ голосить и причитать надъ покойникомъ. Голоса ихъ присоединяются къ голосамъ женщинъ изъ семьи покойнаго, которыя приступаютъ къ выполненію своего нравственнаго долга по отношенію къ отошедшему въ вѣчность почти тотчасъ же послѣ того, какъ онъ закроетъ глаза. На причитанія смотрятъ именно какъ на *долгъ* домашнихъ, родственницъ и односельчанокъ передъ покойникомъ. Кто изъ присутствующихъ женщинъ, въ особенности хорошо знавшихъ покойника, сдѣлаетъ въ этомъ смыслѣ какое —нибудь упущеніе, подвергается беспощадному осужденію. Въ такомъ взглядѣ на причитаніе нельзя не видѣть пережитковъ римскаго юридическаго пониманія не только всей религіи вообще, но и каждой мелочи изъ области религіозныхъ церемоній въ частности. Далѣе любопытно отмѣтить самую манеру причитыванья. Удержавъ, какъ видно, характерныя особенности римскаго обряда оплакиванія умершихъ, эта манера оправдываетъ первоначальное значеніе своего молдавскаго названія: она дѣйствительно производитъ впечатлѣніе «*голошенія*» (*vocitus vocetur*), а не *плача*. Голоса плакальщицъ сливаются въ монотонноминорный, всхлипывающій напѣвъ съ правильно чередующимися повыше-

⁴⁾ Хотя и не вездѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такимъ сигналомъ является лишь небольшой кусокъ полотна, вывѣшиваемый подъ застрѣхой и называемый «алтицей»; его назначеніе — извѣщать родственниковъ, сосѣдей и односельчанъ о покойникѣ. Въ такихъ случаяхъ расплетеніе косы происходитъ уже въ присутствіи собравшихся женщинъ. «Религіозные мотивы въ повѣрьяхъ и обрядахъ бессарабскихъ молдаванъ». «Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости» № 14 за 1911 г.

ями и пониженіями. Но это—не простое «голошеніе». Тутъ мы находимъ и опредѣленный мотивъ, который плакальщицы музыкально варьируютъ по своему вкусу, и народные стихи на этотъ мотивъ, также не обходящіеся безъ всевозможныхъ украшеній соотвѣтственно обстоятельствамъ личной и семейной жизни покойника, чаще же всего—богатству и живости фантазіи плакальщицъ; художественными достоинствами причитанія окончательно примыкаютъ ко всѣмъ прочимъ произведеніямъ молдавскаго народнаго творчества. Въ общемъ это скорѣе всего грустная, скорбная мелодія, полная элегическаго лиризма и заслуживающая своего вульгарнаго названія только благодаря грубому *простонародному* исполненію, которое конечно, и у древнихъ римлянъ въ низшихъ слояхъ не могло отличаться особенными достоинствами, почему и отмѣчено непретенціознымъ эпитетомъ *vocitus*, перешедшимъ вмѣстѣ съ нею къ восточнороманскому населенію дунайскихъ странъ. Достоинно вниманія, что *плача* въ этой мелодіи не слышно: плакальщицы не *плачутъ*, а *оплакиваютъ*; стихами, лейтъ—мотивомъ ихъ погребальныхъ пѣсенъ является *прославленіе* покойника съ самымъ подробнымъ описаніемъ его добродѣтелей и достоинствъ, а основнымъ настроеніемъ—чувство глубокой горести, незамѣнимой утраты, проникнутое не отчаяніемъ, а безнадежностью. Причитанія разсматриваются женщинами *какъ искусство*; и родныя покойнику и постороннія плакальщицы наперерывъ стараются перещегоолять другъ друга этимъ искусствомъ; наиболѣе искусныя вызываютъ восторгъ и удивленіе остальныхъ ¹⁾. Конечно, такой взглядъ представляетъ собою отзвукъ тѣхъ далекихъ временъ, когда оплакиваніе мертвецовъ было, такъ сказать, дѣломъ профессіи и когда, въ силу этого, конкуренція была неизбежна. Весьма возможно, что въ язычествѣ плакальщицы, отличившіяся своими причитаніями на похоронахъ, получали какой—нибудь призъ или болѣе щедрое вознагражденіе. Что касается вознагражденія плакальщицъ вообще, то его слѣды также сохранились у молдаванъ въ постоянныхъ «*потчиваніяхъ*» («*чинстиръ*») причитывающихъ женщинъ виномъ и водкой за душу умершаго («*де съфлетѣл мортѣлѣй*»), а также въ поминальныхъ дарахъ, которые раздаются нѣкоторымъ изъ нихъ

¹⁾ «Религіозные мотивы въ повѣрьяхъ и обрядахъ бессарабскихъ молдаванъ». «Кишин. Еп. Вѣд». за 1911 г. № 14.

во время шествія похоронной процессіи къ кладбищу. Дары эти состоятъ изъ предметовъ домашней утвари и издѣлій молдавскаго національнаго искусства, (подушекъ, ковровъ и. т. п.) ²⁾.

Причитанія не вырываются у женщинъ вдругъ подъ наплывомъ соотвѣтствующихъ чувствъ и переживаній, вѣрнѣе не создаются въ опредѣленные моменты этими именно чувствами и переживаніями, а только варьируются на разные лады по извѣстнымъ, готовымъ образцамъ, давнымъ давно сложеннымъ фантазіей народа. Мѣняются только детали, а основная схема остается неприкосновенной, разъ навсегда данной и обязательной. Есть причитанія, предназначенныя для родственницъ, есть и для чужихъ женщинъ. Среди первыхъ различаются причитанія близкихъ и дальнихъ родственницъ. Изъ близкихъ родныхъ вмѣстѣ съ женщинами причитаютъ иногда и дѣти. Поэтому, молдаванамъ извѣстно много различныхъ видовъ причитаній примѣнительно къ возрасту и семейному положенію причитающихъ: причитанія матери надъ сыномъ—мальчикомъ, надъ дочерью—дѣвочкой, надъ сыномъ—юношей и дочерью—дѣвицей, надъ отцомъ или матерью—дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ (такія причитанія, впрочемъ рѣдки), надъ мужемъ—вдовы, надъ женихомъ—невѣсты, надъ братомъ—сестры, надъ сестрою—тоже, причитанія дальнихъ родственницъ (напр. кумовьевъ) и наконецъ причитанія чужихъ. Въ причитаніяхъ родныхъ, какъ этого и слѣдуетъ ожидать, больше лиризма, больше искренняго, непосредственнаго чувства, вызваннаго гнетущимъ впечатлѣніемъ утраты близкаго, дорогого человѣка. Гораздо суше, разсудочнѣе причитанія чужихъ женщинъ; здѣсь народнобытовыя понятія, жизненнопрактическія воззрѣнія преобладаютъ надъ лирикой и миѳологіей.

Послѣднее, однако, не чуждо ни одному изъ перечисленныхъ видовъ причитаній. Вездѣ отражаются все тѣ же древнеязыческія *солярныя* (т. е. составляющія принадлежность солнечнаго культа) идеи, близко подходящія къ міросозерцанію древнихъ египтянъ и римлянъ. Отъ послѣднихъ они перешли къ молдаванамъ вмѣстѣ съ другими пережитками старины.

(Продолженіе слѣдуетъ.).

²⁾ Благотворительность за умершихъ была, какъ извѣстно, очень распространена и въ Египтѣ—въ связи съ тѣмъ же культомъ солнца.

Забытые таланты.

Наше время, обыкновенно, называютъ временемъ оскудѣнія талантовъ. Наука, искусство во всѣхъ его видахъ, по мнѣнію многихъ людей, не имѣютъ у себя тѣхъ блестящихъ представителей, которые украшали прошлые вѣка и особенно блестяшій въ отношеніи культурнаго развитія XIX вѣкъ. Въ нашъ двадцатый вѣкъ не проявилось сколько нибудь выдающихся дарованій, а то, что мы имѣемъ, чѣмъ питаемся духовно, это все наслѣдіе прошлаго вѣка. Человѣчество, говорятъ, мельчаетъ, изнашивается. Можетъ быть это и такъ!

Но позвольте спросить: даровито-ли наше духовное сословіе? Есть-ли и много-ли среди него талантливыхъ людей? И какого рода это таланты? Не думайте, что это вопросы пустые, праздные. Когда говорятъ, что родъ человѣческой въ своемъ развитіи миновалъ годы расцвѣта, что онъ не произведетъ больше на свѣтъ Божій Фидіа, Рафаэля, Гете, Достоевскаго, то не охватываетъ ли cadaго изъ насъ чувство грусти и даже жути? А когда сомнѣваются относительно даровитости какой либо націи, то можно смѣло сказать, что дни ея сочтены, что окружаемая постояннымъ презрѣніемъ сосѣднихъ народовъ она захирѣетъ и въ концѣ концовъ смѣшается съ прочими націями. Еврейство, наприм., отличается живучестью не потому, что въ рукахъ его сосредоточены средства къ жизни: капиталы, фабрики, заводы, а потому, что многіе считаютъ (и, кстати сказать, совсѣмъ неосновательно, какъ доказано теперь антропологическими и психо физиологическими изслѣдованіями) этотъ народъ исключительно даровитымъ. Но когда это мнѣніе измѣнится, то для Израиля настанутъ, по истинѣ, печальные дни, какъ наступаютъ печальные дни и для всякаго человѣка, когда окружающіе находятъ его бездарнымъ, никуда не способнымъ. Не нужно, поэтому, думать, что поставленный нами вопросъ пустой и смѣшной.

Защитники даровитости духовнаго сословія, обыкновенно, указываютъ на выдающихся лицъ, вышедшихъ изъ среды этого сословія и подвизавшихся на разныхъ поприщахъ. Перечень лицъ начинается всегда со Сперанскаго и восходитъ до нашихъ дней. Съ гордостью произносятся такія имена, какъ С. М. Соловьевъ, В. В. Болотовъ, недавно скончавшійся В. О. Ключевскій и т. д.

Но тутъ, обыкновенно, возражаютъ, что это—отдѣльныя только личности, связанныя съ духовной средой только фактомъ своего рожденія; остальная же масса, особенно же сельское духовенство—косно, безцвѣтно.

Когда я слышу подобнаго рода рѣчи, то въ памяти моей всплываютъ близко знакомыя мнѣ лица изъ сельскаго духовенства, богато одаренныя и развивающія свои таланты въ тиши и уединеніи. Нравственный мой долгъ и требованія истины побуждаютъ меня сказать здѣсь о нихъ нѣсколько словъ.

Въ теченіе семинарскаго и академическаго курса, за неимѣніемъ средствъ, я не уѣзжалъ на рождественскіе и пасхальные каникулы къ своей матери, а или оставался праздновать «на казенныхъ хлѣбахъ», или меня бралъ къ себѣ кто либо изъ товарищей. Въ разныхъ уголкахъ нашей многолюдной епархіи я познакомился со многими священниками, которые поразили меня своимъ умомъ и энергіей. Такъ, наприм., въ одномъ селѣ Т. уѣзда священникъ устроилъ кредитное товарищество, гдѣ крестьянинъ за незначительный % можетъ одолжить потребную ему сумму денегъ. Много труда положилъ на это дѣло о. Г.: подолгу онъ бесѣдовалъ съ крестьянами, доказывая имъ пользу задуманнаго учрежденія, искусной рукой разрушалъ онъ козни евреевъ, которые лишались возможности въ трудную минуту эксплоатировать крестьянъ: много списывался онъ съ существующими кредитными обществами и въ концѣ концовъ достигъ своего: вотъ уже болѣе десяти лѣтъ существуетъ это товарищество; операциіи его простираются до сотни тысячъ рублей.

А вотъ и другой примѣръ, но только иного характера. Въ томъ же уѣздѣ есть священникъ, большой любитель естественныхъ наукъ и особенно астрономіи. Интересуясь вопросомъ о происхожденіи міра, онъ создалъ свою теорію. По этой теоріи мірообразование происходило такъ: матерія, вызванная къ бытію творческой силой Божіею, по свойственнымъ ей центробѣжной и центростремительной силамъ, носилась въ пространствѣ. Если меньшая часть матеріи попадала въ область вращенія какого либо большаго тѣла, то она не могла выйти изъ этой области и навсегда тамъ оставалась, большее тѣло притягивало меньшее. Такъ солнце стало центромъ вращенія земли. Библейскій четвертый день творенія и былъ тѣмъ именно моментомъ, когда земля попала

въ солнечную сферу, въ противномъ случаѣ мы должны предположить *вторичное* созданіе Господомъ матеріи. Въ четвертый день и луна попала въ область вращенія земли и стала ея спутникомъ. Вотъ въ общихъ чертахъ теорія деревенскаго священника. Свои соображенія о. Б. послалъ въ Петербургъ профессору Глазенапу и получилъ отъ него отвѣтъ, что эта теорія не новость: она недавно придумана французскимъ астрономомъ Си и извѣстна въ наукѣ подъ именемъ «теоріи захвата». «Вы дайте математическое обоснованіе вашей теоріи»,—такъ заканчивалъ свое письмо петербургскій профессоръ. Отвѣчая такъ, онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что онъ этимъ не обезцѣнивалъ теоріи о. Б., а подчеркивалъ только ея достоинство—самостоятельность. О. Б. въ деревенской глуши никогда не слышалъ ни о какомъ французскомъ астрономѣ Си и радъ былъ узнать, что онъ пришелъ къ одинаковымъ выводамъ съ заграничнымъ ученымъ. Но когда онъ познакомился съ трудами этого ученаго, то онъ испыталъ чувство горечи и обиженнаго своего достоинства: онъ не нашель у Си того, чего отъ него потребовалъ проф. Глазенапъ, т. е. математическаго обоснованія теоріи. Объ о. Б. нужно еще сказать, что еще раньше онъ представилъ вѣсскія опроверженія Канто-Лапласовской теоріи происхожденія міра. Но тутъ постигла его первая неудача. Въ то время, какъ онъ переписывался съ однимъ изъ своихъ кіевскихъ знакомыхъ, занимающимся астрономіей, въ это время г-жа Ковалевская, бывшая профессоромъ въ Стокгольмѣ, за свои опроверженія названной теоріи получила въ Сорбоннѣ премію 3 тысячи франковъ.

Рядомъ съ этимъ священникомъ, самоучкой-астрономомъ, по даровитости, любознательности и творчеству слѣдуетъ поставить о. К. Первое мое знакомство съ нимъ не произвело на меня никакого впечатлѣнія: обыкновенный сельскій батюшка, о которомъ нельзя сказать ничего, ни добраго, ни худого. Но я скоро долженъ былъ перемѣнить о немъ мнѣніе, когда узналъ, что онъ страстный любитель древностей, владѣлецъ большой коллекціи старинныхъ вещей и замѣчательный археологъ. «Гдѣ же у него эти вещи?» поневолѣ спросилъ бы каждый. Оказывается, что музеемъ о. К. былъ амбаръ, на одной половинѣ котораго лежали и стояли мѣшки, висѣла упряжь, а на другой—были устроены полки, на которыхъ въ порядкѣ были размѣщены раз-

ные предметы древности, преимущественно относящіеся къ исторіи нашего юго-западнаго края: О. К. не былъ Плюшкинымъ въ археологіи; онъ не просто собиралъ, копилъ предметы старины, а внимательно ихъ изучалъ и, насколько я припоминаю теперь, конечною цѣлью его археологическихъ занятій было уловить характерныя черты духовнаго облика своего народа, выяснить на основаніи мертваго, бездушнаго матеріала особенности его натуры, чтобы глубже понять родную исторію. Этнографическія изысканія, кажется, наиболѣе вдохновляли о. К. Я не могу сейчасъ припомнить всѣхъ интересныхъ бесѣдъ своихъ съ о. К. Помнятся мнѣ только слѣдующія слова его. «Нельзя думать,—говорилъ о. К.,—что нашъ народъ не понимаетъ всей тяжести грѣха, когда ругается матернымъ словомъ, что душа у него не чистая, грязная... Я проштудировалъ много народныхъ пѣсень, легендъ и нашелъ тамъ горькое осужденіе тѣмъ, кто ругается матернымъ словомъ. Такое же осужденіе я нашелъ и въ другой области. Интересуясь старинными иконами, я обратилъ вниманіе на картины страшнаго суда. Эти картины писаны не художниками, а обыкновенными малярами, вышедшими изъ народа, и потому выражаютъ міровоззрѣніе народа, взглядъ народа на разные пороки. И вотъ на этихъ картинахъ наиболѣе сильно мучающимся изображены именно тѣ, кто ругался матернымъ словомъ». Я былъ пораженъ этимъ выводомъ и оригинальной аргументаціей его. Къ сожалѣнію, судьба жестоко отнеслась къ о. К. Тяжелая болѣзнь жены заставила его часто ѣздить въ Кіевъ и подолгу здѣсь просиживать. Въ это время собранныя имъ древности безжалостно расхищались сосѣдями.

А сколько есть среди нашего сельскаго духовенства выдающихся садоводовъ, поэтовъ, самоучекъ-медиковъ (я, къ сожалѣнію, не помню фамиліи священника написавшаго лѣчебникъ, какъ лѣчить болѣзни простыми средствами), духовныхъ композиторовъ и т. д., о которыхъ знаютъ только близкіе къ нимъ люди!..

Но, быть можетъ, скажетъ кто нибудь: это все примѣры, которые не относятся къ пастырской области. Покажите, скажутъ, самоотверженныхъ, идеальныхъ пастырей, которые бы воплощали въ жизни евангельскій законъ Христовъ, освобождали бы міръ отъ зла, помогали бы горю людскому.

Такихъ пастырей среди сельскаго духовенства есть доста-

точно. Нужно только поближе присмотрѣться къ нимъ. Я, напр., знаю одного священника, который былъ назначенъ въ одно большое село, близъ м. Богуслава, сильно зараженное штундой. Трудно было жить въ этомъ приходѣ, но о. С. превозмогъ всѣ трудности своею доброю жизнію, проповѣдью, а особенно частыми бесѣдами съ сектантами, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ на домъ по 2—3 человѣка и бесѣдовалъ по душѣ до полуночи. Результаты такой работы были на лицо: выѣзжая изъ этого села, о. С. оставилъ «едино стадо», штундистовъ не было ни одного.

Знаю я одного священника, какъ прекраснаго, вдохновеннаго проповѣдника, при чемъ онъ не только проповѣдуетъ (конечно, живымъ словомъ), но и записываетъ наиболѣе удачныя свои поученія. Я просилъ его гдѣнибудь отпечатать хоть нѣсколько его поученій, но онъ былъ слишкомъ скромнаго мнѣнія о своихъ проповѣдническихъ способностяхъ и не соглашался на мою просьбу. О. І. возмущался, между прочимъ, ходячимъ выраженіемъ: «избитая тема». «Развѣ можетъ быть избитый какойнибудь пейзажъ: лѣтній вечеръ, берегъ рѣки, морской заливъ», съ жаромъ говорилъ онъ. «Евангеліе болѣе богато и красиво, чѣмъ вся природа, и если мы находимъ тамъ избитыя темы, то потому, что у насъ нѣтъ таланта разсматривать вещи съ новой стороны».

Но особенно врѣзался мнѣ въ память о. Моисей Я. Тяжкое семейное горе—рожденіе двухъ глухонѣмыхъ дѣтей—внушило ему мысль построить школу для глухо-нѣмыхъ. Энергично принялся за это дѣло о. М.; ѣздилъ въ Москву, Варшаву, вездѣ хлопоталъ и достигъ своего: въ настоящее время въ м. Малинѣ существуетъ эта школа, въ которую тянутся несчастные калѣки съ дальнихъ мѣстъ, чуть ли не съ Урала. Къ глубокому прискорбію, самъ о. М. года полтора тому назадъ почилъ о Господѣ.

Не достанетъ мнѣ времени повѣствовать объ одинокихъ, забытыхъ талантахъ среди нашего сельскаго духовенства. Скажу только одно, что мою душу наполняетъ всегда чувство умиленія и прямо таки благоговѣнія, когда я встрѣчаю ихъ. Легко заниматься астрономіей, археологіей, музыкой въ городѣ, гдѣ можно найти и руководителей и богатая бібліотеки, легко открыть въ большомъ городѣ какоенибудь филантропическое учрежденіе, гдѣ много культурныхъ силъ,—но пусть попробуетъ ктонибудь

заниматься науками въ глухой провинціи, или открыть какую нибудь школу для глухонѣмыхъ, и онъ сразу опуститъ руки. За эту энергію и настойчивость наши собраты заслуживаютъ сугубаго уваженія и благодарности. (Изъ № 31 Кіевс. Еп. Вѣд. т. г.).

Православное духовенство среди интеллигенціи и народа.

Въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей можно найти не мало выраженій и фразъ якобы правильно и вѣрно опредѣляющихъ отношеніе народа къ своему духовенству. «Наше крестьянство православное, въ противоположность заблудшейся интеллигенціи, еще доселѣ высоко чтитъ своихъ пастырей», «оно внимаетъ ихъ голосу, охотно и радостно питаетъ ихъ отъ своей скромныя трапезы», «для народа не учитель тотъ, кто не въ ризахъ» (Лѣсковъ), и т. под. Въ этихъ и другихъ подобныхъ фразахъ, во множествѣ встрѣчавшихся въ печати, особенно до начала освободительнаго движенія, лица мало знакомыя съ условіями бытовой жизни нашего духовенства, видятъ яркую и полную характеристику того положенія, какое занимаетъ духовенство среди интеллигенціи и народа. И поэтому, въ мнѣніи этихъ лицъ сложилось убѣжденіе, что русское крестьянство—богоносное, и что оно со страхомъ и трепетомъ содѣлываетъ свое спасеніе и, будучи беззавѣтно предано православной церкви, оно благоговѣйно внимаетъ своимъ пастырямъ и глубоко почитаетъ ихъ; интеллигенція-же, говорятъ, презираетъ, духовенство и относится къ нему свысока.

Несомнѣнно, что въ такихъ сужденіяхъ заключается извѣстная доля правды; и среди интеллигенціи есть люди, дѣйствительно, презирающіе и третирующіе духовенство, и среди народа, во всякомъ приходѣ, всегда найдется нѣкоторая часть простецовъ, искренно благоговѣющихъ предъ священнымъ саномъ, хорошо сознающихъ значеніе священника и уважающихъ личность его даже среди неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, его окружающихъ. Но возводитъ такіе частичные случаи въ явленіе всеобщее, признавать набожность и сыновнепочтительное отношеніе крестьянства къ духовенству и неуваженіе къ нему интеллигенціи

какъ status quo,—это уже заблужденіе, хотя, и имѣющее свои основанія въ нашей исторической жизни (о чемъ я скажу ниже):

Изъ личныхъ сношеній съ людьми разныхъ общественныхъ положеній, различнаго развитія и образованія, я прежде всего вынесъ убѣжденіе въ предвзятости взгляда на интеллигенцію въ его отношеніяхъ къ духовенству. Правда, можетъ быть интеллигенція не уважаетъ самый священный санъ въ его обрядовыхъ проявленіяхъ, но за то она уважаетъ личность, образованіе, культурность въ священникѣ, если послѣднему свойственны эти качества. Въ силу этого священникъ, имѣющій полное богословское образованіе, тѣмъ болѣе академическое, если онъ къ тому-же заботится о своемъ развитіи и съ достоинствомъ держитъ себя въ обществѣ,—всегда пользуется почетомъ и уваженіемъ со стороны этого общества; и члены истиннаго интеллигентнаго общества всегда посильно поддерживаютъ матеріальное положеніе такого священника и, вознаграждая его за исполненіе, можетъ быть, и ненужныхъ имъ обрядовъ церковныхъ, никогда не позволяютъ себѣ даже и за глаза осудить духовенство за взиманіе платы за требы.

Совсѣмъ не то представляетъ собою сѣрая крестьянская масса. Уважать личность крестьянинъ не привыкъ, ибо онъ самъ былъ всегдашнимъ рабомъ; образованіе и развитость священника для него значенія не имѣютъ, а необходимую для интеллигентнаго и развитого пастыря нѣкоторую культурность и опрятность въ жизни домашней—крестьянину лучше и не показывать, такъ какъ мало мальски удобный экипажъ, или же сдѣланная, сколоченная за нѣсколько лѣтъ енотовая ряса, сейчасъ-же вызовутъ осужденіе, что «попъ де роскошествуетъ на выжатые изъ насъ соки». Что касается священнаго сана, то простой народъ почитаетъ его лишь внѣшне, внутренній-же міръ его большею частію чуждъ этого почитанія. Крестьянинъ называетъ священника «батюшкой», цѣлуетъ его руки, зоветъ его служить молебны и панихиды, благодаритъ и льститъ, и потомъ вдругъ раздражается по адресу священника какимъ либо гнуснѣйшимъ доносомъ за взятый имъ лишній гривенникъ, а въ лучшемъ случаѣ съ легкимъ сердцемъ участвуетъ въ составленіи общественныхъ объ удаленіи священника приговоровъ, по ини-

ціативъ какого либо кулака-міроѣда, у котораго приходскій іерей не захотѣлъ или не сумѣлъ своевременно заискать.

Интеллигенція никогда не позволитъ себѣ тѣхъ грязныхъ и лживыхъ на духовенство доносовъ, такъ легко посылаемыхъ крестьянами, часто воздерживается она даже отъ доносовъ правдивыхъ и даже необходимыхъ по соблазнительности совершаемыхъ какимъ-либо іереемъ проступковъ; интеллигентный прихожанинъ не станетъ брать на себя обязанность доносчика даже и тогда, когда онъ не въ ладахъ съ священникомъ и вообще не проявитъ особой враждебности къ духовенству.

Крестьянство, повидимому, требуетъ отъ священника очень малаго: былъ бы онъ простъ въ обращеніи, незамедлителенъ въ требохъ и неопустителенъ въ службѣ, безкорыстенъ,—вотъ и всѣ предъявляемыя имъ къ пастырю условія. Но главное—это безкорыстіе. Безкорыстному пастырю, даже несмотря на то, что семья его сидитъ голодная и неодѣтая, народъ проститъ и опущеніе службы и смерть больныхъ безъ покаянія и нетрезвость частую и даже развратъ; мнѣ извѣстенъ случай, когда приходъ чрезъ депутацію выпросилъ у епископа разрѣшеніе служить священнику, запрещенному именно за такого рода некрасивые поступки. Но бѣда если священникъ вздумаетъ, побуждаемый нуждой, набавить пятакъ-гривенникъ за молебенъ или рубль за свадьбу; тогда будь онъ идеальный пастырь, благодѣтель прихода, устроитель храма и школъ, учредитель различныхъ кооперативовъ приходскихъ, трезвенникъ и проповѣдникъ, образецъ цѣломудрія,—всѣ эти качества въ глазахъ народа сведутся къ нулю. Посыплутся на него доносы, прошенія, въ коихъ будутъ упомянуты всѣ прегрѣшенія пастыря, вольныя и невольныя, вѣдомыя и даже невѣдомыя; а затѣмъ послѣдуютъ дознанія и слѣдствія, и все это нерѣдко тянется мѣсяцами и даже годами, а въ результатъ всего этого—приходскій пастырь, потерявъ вѣру въ добрыя качества народа и любовь къ нему, и измученный судебной волокитой, ожесточается, уходитъ въ самого себя и дѣлается безучастнымъ исполнителемъ требъ.

Загляните въ судебный столъ любой Консистеріи: несомнѣнно, что 95% имѣющихся здѣсь на духовенство доносовъ, прошеній и кляузъ принадлежатъ крестьянамъ, или же вышедшимъ изъ среды ихъ кулакамъ-міроѣдамъ, волостнымъ старшинамъ и

прочимъ мнимымъ радѣтелямъ сельскаго прихода. И центромъ всѣхъ этихъ доносовъ и кляузъ является обвиненіе въ вымогательствѣ, поборахъ, стремленіи къ роскоши, а затѣмъ кстати примѣшивается и всякая другая грязь, какою доноски не стѣсняются обливать самаго достойнаго пастыря.

По городамъ возникаютъ очень мало слѣдствій, особенно о проступкахъ духовенства; а по селамъ—въ рѣдкомъ изъ нихъ въ теченіе трехъ—пяти лѣтъ не бываетъ какого-либо судебного дѣла о какихъ-либо несуществующихъ винахъ священника или другого клирика.

Въ этомъ обстоятельствѣ и кроется въ значительной степени причина того, что при открытіи даже захудалаго городского священническаго мѣста, отъ сельскихъ іереевъ, какъ изъ рога изобилія, сыплется къ епископу прошенія о перемѣщеніи. Такое усиленное стремленіе въ городъ слѣдуетъ объяснить не исканіемъ большихъ матеріальныхъ выгодъ (ибо при умѣннн хозяйствовать можно сносно жить въ селѣ), но исключительно желаніемъ попасть въ болѣе интеллигентный кругъ людей, которые не позволяютъ унижать себя писаніемъ лживыхъ и неосновательныхъ доносовъ на своего пастыря, что такъ обычно для нашего крестьянства. Духовенство и въ городахъ, и въ селлахъ по крайней мѣрѣ, во многихъ епархіяхъ одно и то же, развитіемъ и образованіемъ, съ тѣми-же достоинствами и недостатками. Но общество, окружающее городского и сельскаго священника, различно; и если городская интеллигенція относится къ духовенству въ крайнемъ случаѣ индифферентно, то деревенская сѣрая масса въ общемъ относится къ духовенству враждебно и любимѣйшимъ занятіемъ крестьянъ при всякихъ сходкахъ бываютъ толки о томъ, сколько попы денегъ набираютъ и куда они ихъ дѣвають.

Говорятъ, что такое отношеніе къ духовенству, нѣкоторая ненависть народа къ его матеріальнымъ достаткамъ происходитъ отъ крайней бѣдности народа. Но почему-же многіе зажиточные и даже богатые крестьяне въ деревнѣ, не говоря о купцахъ и помѣщикахъ, не вызываютъ къ себѣ особо-враждебнаго отношенія со стороны сосѣдей бѣдняковъ? Почему о богатствѣ ихъ вы не услышите разговоровъ, не называютъ ихъ грабителями и вообще относятся къ нимъ болѣе или менѣе безразлично? И почему

только къ духовенству народъ относится съ нерасположеніемъ, называя клириковъ «обиралами, берущими съ живыхъ и мертвыхъ?» И почему, наконецъ, высшіе чиновники, получающіе громадныя оклады, тунеядцы, проматывающіе за границей миллионныя наслѣдства, купчики, въ одну ночь оставляющіе въ ресторанахъ годовой окладъ содержанія любого священника, — почему такіе люди не вызываютъ того озлобленія, какое возникаетъ у народа на пастыря за лишній пятакъ или гривенникъ. Купецъ повышаетъ цѣну на муку, крупу и другіе предметы обихода,—крестьяне молчатъ и платятъ; приходскій причтъ взялъ лишній рубль за свадьбу, на которую затрачивается иногда въ пятнадцать разъ больше причтовой платы,—платящіе кричатъ о грабежѣ и поборахъ, пишутъ жалобу архіерею, въ которой всячески поносятъ духовенство.

Причина такого, можно сказать, пристрастнаго нерасположенія къ духовенству со стороны народа заключается, по моему мнѣнію, въ невѣжество, благодаря которому народъ не видитъ основной причины своей бѣдности и обнищанія. Съ давнихъ поръ русское духовенство жило и живетъ среди народа, раздѣляя съ нимъ и радость и горе, благосостояніе и нищету, часто голодая, иногда жирѣя, смотря по тому положенію, въ какомъ въ тотъ-или другой моментъ находился народъ: богатъ былъ народъ своими соками—откармивалось и жирѣло духовенство, истощались эти соки—голодало и духовенство; терпѣлъ народъ угнетеніе и безправіе,—не въ лучшемъ положеніи было и духовенство. Но испытывая одинаковую участь съ народомъ, духовенство всегда было на виду крестьянства, мозолило ему глаза и, невольно пользуясь его крохами, невольно же усугубляло его страданія отъ нищеты, бѣдности и забитости. Крестьянинъ оглядывался кругомъ, искалъ причину этихъ страданій и, не находя ея по своему невѣчеству и некультурности, въ социально-экономическихъ условіяхъ своего быта, естественно останавливалъ вниманіе на томъ, кто особенно надоѣдалъ ему попрошайничествомъ, кто первый тянулъ изъ него послѣдніе соки. А это, къ сожалѣнію, выпало на долю русскаго духовенства, которое исключительно питалось иждивеніемъ народа, да питается имъ и до сего времени. Поэтому крестьяне иного прихода, не замѣчая или имѣя смутное понятіе о платимыхъ ими прямыхъ и косвен-

ныхъ налогахъ въ десять или болѣе тысячъ, хорошо видятъ тѣ шесть—восемь сотенъ рублей, которые на виду всѣхъ получаетъ причтъ. Мало того, сами зарабатывая полтинники и рубли тяжелымъ трудомъ, доставая ихъ потомъ, кровью и мускульною силой, отдавая, затѣмъ, эти кровныя деньги причту за его сравнительно, легкій трудъ, они какъ-бы отрываютъ часть собственнаго тѣла и, чувствуя страданіе, озлобляются на виновника этого страданія—духовенство. И не обвиняя купцовъ и кулаковъ за ихъ дѣйствительно туго набитые карманы, магазины и амбары, крестьяне никогда не упустятъ случая упрекнуть духовенство и за чистенкій домикъ, и за разбитый при домѣ садъ, и за шляпки и другой дешевый нарядъ дочерей, позавидуютъ и земельнымъ угодыямъ, которыми пользуются клирики; достатки духовенства они обыкновенно увеличиваютъ въ десять разъ и приписываютъ ему богатство, нажитое, по ихъ мнѣнію, легкимъ трудомъ за исполненіе требъ.

Такое отношеніе крестьянъ къ своему духовенству, ложный взглядъ ихъ на клириковъ, какъ на дармоѣдовъ, живущихъ на счетъ прихода, часто вспыхивающее, какъ порохъ при первой искрѣ, озлобленіе прихожанъ на священника по самому ничтожному поводу,—все это и создаетъ то тяжелое положеніе духовенства среди народа, котораго тщетно стараются избѣжать православные пастыри. А между тѣмъ они всегда были не врагами, а союзниками народа, ратовали за его полное раскрѣпощеніе отъ всякаго гнета, но благодаря, увы, постыдному способу содержанія, являются въ глазахъ сѣрой массы паразитами, сосущими ея кровь.

Интеллигенція же чаще относится къ духовенству благожелательно почти всегда готова притти на помощь честному пастырю, и отъ нея духовенство никогда не услышитъ при какой либо бѣдѣ тѣхъ глумленій и насмѣшекъ, которыя сплошь и рядомъ позволяютъ себѣ прихожане—простецы. Чѣмъ выше по развитію человѣкъ, тѣмъ благосклоннѣе его отношеніе къ священнику, который въ истинномъ интеллигентѣ всегда найдетъ друга и союзника. Злобятся на духовенство лишь люди низкаго развитія и невѣжды, каковыми, къ сожаленію, и доселѣ являются наши крестьяне.

Но дайте свѣта въ нашу русскую сѣрую массу, помогите

духовенству въ просвѣщеніи народа, поднимите умственный уровень послѣдняго и отношеніе народа къ духовенству измѣнится и духовенство не будетъ стремиться изъ деревни въ города; а если при этомъ улучшится общее экономическое состояніе народныхъ массъ и измѣнится способъ содержанія духовенства путемъ отмѣны «доброхотныхъ» даяній за требы и чрезъ назначаніе опредѣленнаго и достаточнаго казеннаго жалованья, то мы увидимъ полное единеніе пастырей и паствы, единеніе дружеское, чуждое фальши и подозрительности и тѣмъ болѣе—ненависти и озлобленія.

И въ каждомъ приходѣ будетъ едино стадо и единъ пастырь.
(Изъ Волынс. Еп. Вѣд. № 35 т. г.)

Епархіальная хроника.

◆ *Засѣданіи Строительнаго Комитета по постройкѣ епархіальнаго дома.* 31 августа, въ день возвращенія своего съ Кавказа, Преосвященный Серафимъ, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій, назначилъ собраніе у себя въ покояхъ Строительнаго Комитета; сначала онъ, вмѣстѣ съ Комитетомъ, осмотрѣлъ зданіе епарх. дома, вчернѣ уже выстроенное; при этомъ онъ нашелъ нужнымъ проломать новый просвѣтъ въ темноватомъ отдѣленіи квартиры завѣдующаго домомъ и желательнымъ устроить ванную въ квартирѣ; потребовать заявленія отъ епархіальныхъ учрежденій о простѣнкахъ въ помѣщеніяхъ ихъ, и мн. др.

◆ 2 сентября. Владыка обсуждалъ, какъ обдѣлать бока и потолки въ лѣстничныхъ клѣткахъ, поручивъ сдѣлать ихъ гладкими съ жгутами; заказалъ на мебельной фабрикѣ инженера И. Лалевича рамы къ привезенной имъ въ даръ еп. дому Казанской иконы Божіей Матери; разсмотрѣлъ проекты устройства въ залѣ еп. дома эстрады и каѳедры, а также парадныхъ дубовыхъ дверей; разрѣшилъ устройство внизу подъ лѣстницей квартиры для швейцара, а на горницѣ подъ крышей поручилъ подрядчику П. Кошелеву задѣлать пазухи стѣнъ.

◆ 6 и 7 сентября. Владыка поручилъ Комитету опубликовать въ «Другѣ» объ отдачѣ въ аренду 4 магазиновъ епарх. дома на 3 года, съ приглашеніемъ желающихъ арендовать подавать о томъ заявленія въ Комитетъ до 1 октября: всѣ магазины одному лицу не могутъ быть отданы; провѣрилъ электрическую сѣть въ епарх. домѣ съ указаніемъ необходимыхъ измѣненій, поручилъ запросить Городскую Управу объ отпускѣ для дома электрической энергіи

на 500 лампочекъ, о соединеніи электрическихъ проводовъ съ городскою сѣтью и о стоимости этого.

◆ 9 сентября. Владыка пригласилъ въ засѣданіе маляра для выбора тоновъ окраски потолка въ залѣ; заказаны эскизы.

◆ *Собраніе Христорождественскаго Братства, 2 сентября.* Въ покояхъ Преосвященнаго Серафима, въ его присутствіи, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Никодима, Епископа Аккерманскаго, собраніе обсуждало, кому какія пособія выдать изъ миссіонерскаго капитала; опредѣлило, въ какомъ размѣрѣ и порядкѣ распространить бесплатно бесѣды противораскольническаго миссіонера о. Воловея; Владыка Серафимъ поручилъ собранію учредить особую комиссію, чтобы ей заняться предстоящимъ перенесеніемъ склада книгъ въ еп. домъ и наилучшей постановкой его; «надо,—говорилъ онъ,—самимъ намъ поучиться торговать съ выгодой и пользой для дѣла; сноситься съ синодальными типографіями и лавками, лучшими фабриками церковныхъ вещей, постепенно, серьезно»; Владыка слушалъ докладъ протоіерея И. Софроновича о случаяхъ совращенія православныхъ дѣвушекъ его прихода въ расколъ черезъ развратъ; при этомъ Владыка замѣтилъ, что «когда грѣшатъ, о религіи не думаютъ»; относительно иконъ и книгъ для брачующихся Владыка разъяснилъ, что онѣ разосланы по благочиніямъ епархіи «по распоряженію, по приказу», а не по предложенію, тѣмъ-болѣе, что постановленіе объ этомъ Братства состоялось съ участіемъ представителей отъ духовенства.

◆ *Засѣданіе еп. миссіонерскаго совѣта, 5 сентября.* Подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Серафима въ его покояхъ, совѣтъ имѣлъ продолжительное сужденіе относительно еще одного епархіальнаго миссіонера (третьяго); по мнѣнію Владыки и всего собранія лучше имѣть своихъ миссіонеровъ, выработывать на мѣстѣ ихъ, чтобы далеко ихъ не искать; сколько Владыка ни присматривался и ни прислушивался, находитъ, что собственно готовыхъ полныхъ миссіонеровъ нѣтъ у насъ, ни изъ семинаристовъ, ни изъ академистовъ; въ земныя звѣзды ему не вѣрится; но нашъ долгъ выдвигать лучшихъ для миссіонерства кандидатовъ изъ мѣстныхъ, знающихъ мѣстный языкъ, нравы и условія; «укротить бурю, говорилъ Владыка, можетъ только Богъ, а спасать въ бурю лодки могутъ и люди; вотъ давайте намъ спасать души, насколько намъ возможно это дѣлать». Во время чтенія секретаремъ собранія разныхъ донесеній миссіонерскаго характера, Владыка обратилъ особенное вниманіе на умыканіе невѣстъ на югъ Бессарабіи, на то, какими мѣрами борются съ этимъ зломъ.

◆ *Торжественное празднованіе для открытія св. мощей св. Іоасафа Бѣлгородскаго.* 4 сентября, въ Кишиневскомъ

каѳедральномъ соборѣ божественную литургію совершилъ Преосвященный Серафимъ, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій, въ сослуженіи Преосвященныхъ викаріевъ Никодима, Епископа Аккерманскаго. Гавріила, Епископа Измаильскаго и многочисленнаго духовенства, городскаго и сельскаго, въ присутствіи массы народа, переполнявшаго соборъ; въ концѣ литургіи передъ молебномъ, Владыка Серафимъ обратился къ народу съ архипастырскимъ своимъ словомъ о прославленіи новоявленнаго Божьяго угодника.

«150 лѣтъ тому назадъ,— говорилъ Владыка,— жилъ на землѣ не преданный землѣ и скончался въ г. Бѣлгородѣ святитель Іоасафъ; онъ не былъ зарытъ въ землю, а лежалъ открыто для взора молящихся, почитавшихъ его за необыкновеннаго святителя; по волѣ Божіей каждый народъ и Царь имѣютъ ангела хранителя; не безъ Его воли сложилось это явленіе—открытіе св. мощей угодника; только невдумчивый умъ и жестокое сердце не могутъ это видѣть, какъ сами святые встаютъ за свой народъ, теряющій свою вѣру.

Св. Іоасафъ всталъ, когда козаки послѣ Полтавской битвы сыграли свою предательскую роль, изъ ихъ семьи, поселившейся въ Прилукахъ; онъ не получивъ благословенія отца, хотя видѣвшаго откровеніе, и тайно принимаетъ монашество, къ которому призвалъ его Богъ; такъ совершенны были его младенчество и юность; только онъ въ то время могъ брать на себя тотъ долгъ, который онъ исполнилъ; только тотъ можетъ научить другихъ, кто самъ все прошелъ, кто не только учитъ и не разрушаетъ, но и создаетъ; онъ дома Божіи украшалъ, будучи въ качествѣ простого сборщика, дошедшаго до Петербурга, до самой Императрицы, узнавшей въ немъ инока столь благороднаго, Господомъ одухотвореннаго, получившаго затѣмъ епархію.

Поучительна жизнь этого святителя для всѣхъ архіереевъ, іереевъ и всѣхъ васъ, которыхъ призываетъ онъ на вѣрный и славный путь; тогда въ обществѣ было столь-же трудно, какъ и нынѣ; въ пучинѣ разврата и вольнодумства онъ служитъ своими дарованіями и проявляетъ апостольскую силу духа, признанную всѣми; въ сердцѣ народномъ, въ глубинѣ его, явилась вѣра предковъ и сознаніе, что власть іерархическая на землѣ спасительна, что служеніе святителя, не игравшаго никакой политической роли, осталось великимъ, хотя онъ почилъ и сталъ предъ Господомъ еще 49 лѣтъ отъ роду.

Какъ я хотѣлъ-бы, чтобы и вы пришли въ сознаніе своихъ ошибокъ и не заблуждались въ отношеніи іерархіи и церкви».

◆ *Засѣданія Комитета по ремонту каѳедральнаго собора.* Комитетъ составляютъ: предсѣдатель его Преосвященный Серафимъ Епископъ Кишиневскій и Хотинскій, члены—каѳедраль-

ный протоіерей Н. В. Василевскій, ключарь собора священникъ В. И. Гума, городской голова Ю. І. Левинскій, товарищъ его М. Левандовскій, городской архитекторъ В. Н. Цыганко и соборный староста Д. Θ. Кара Стояновъ; въ покаяхъ Преосвященнаго Владыки 4 сентября, подъ предсѣдательствомъ его, Комитетъ велъ переговоры съ художникомъ Е. А. Заринымъ относительно росписи собора; 5 сентября Владыка, комитетъ и художникъ осматривали соборъ и въ вечернемъ засѣданіи обсуждали, какъ наилучше росписать его; Владыка пожелалъ иконы храма и иконостасъ оставить на прежнихъ мѣстахъ, только на горнихъ мѣстахъ въ алтарѣ написать болѣе соотвѣтствующіе образа и въ средней части храма, противъ главнаго алтаря.—свв. равноапостольныхъ Россійскихъ князей Владимира и Ольги; сдѣлать общую орнаментировку всего тѣла собора, тона зелено-синеваые византійскіе, фона золоченные; роспись съ орнаментировкой можетъ быть только русская, Владимірская; двѣ работы, одна другую восполняющія— малярная обдѣлка стѣнъ и художественная орнаментировка; художники выдумываютъ, другіе пополняютъ; въ послѣдующіе дни художникъ разрабатывалъ проектъ; 11 сентября Владыка одобрилъ его и благословилъ заключить условіе съ художникомъ на сумму въ 12 т. рублей. кромѣ лѣсовъ, на срокъ съ октября сего года по май будущаго года; на благоуукрашеніе собора по случаю столѣтія присоединенія Бессарабіи къ Россіи. Комитетъ употребитъ всѣ средства, какія соберутся по открываемой подпискѣ послѣ архипастырскаго воззванія Владыки Серафима къ Бессарабской паствѣ.

◆ 6 сентября Преосвященный Никодимъ, Епископъ Аккерманскій, отбылъ въ Курковскій монастырь, гдѣ служилъ божественную литургію въ храмовой день, 8 сентября; 11 сентября онъ служилъ въ Припиченахъ; 14 сентября въ Курковскомъ монастырѣ. Ключарь собора, священникъ Василій Гума.

◆ Въ среду, 7-го сентября, наканунѣ праздника Рождества Пресвятыя Богородицы всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ совершилъ соборный ключарь о. В. Гума, въ сослуженіи протодіакона собора о. И. Чакира. На утрени, во время величанія кажденіе св. иконъ и присутствовавшихъ молящихся совершилъ Преосвященный Серафимъ, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій. На всенощномъ бдѣніи пѣлъ архіерейскій хоръ подъ управленіемъ священника о. Михаила Березовскаго.

◆ Въ четвергъ, 8-го сентября, въ день праздника Рождества Пресвятыя Богородицы божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Серафимъ, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій, въ сослуженіи всего соборнаго духовенства. За литургіей были рукоположены: въ санъ священника

окончившій курсъ духовной семинаріи Викторъ Крупскій, назначенный на священническое мѣсто въ с. Чокмайданъ, Бендер. уѣз, 3-го окр. и въ санъ діакона окончившій семинарію Поповичъ Евсевій. Послѣ запричастнаго стиха архіерейскій хоръ подъ управленіемъ священника о. М. Березовскаго очень хорошо исполнилъ концертъ: «Не имамамы иныя помощи», муз. Кастальскаго. Въ соборѣ было много молящихся.

◆ Въ воскресеніе, 11-го сентября въ дѣтскомъ пріютѣ Бальшѣ Преосвященнымъ Серафимомъ, Епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ, въ сослуженіи законоучителя Киш. 1-й мужской гимназіи о. Николая Лашкова, священника о. І. Щуки и соборнаго духовенства была освящена домовая церковь вновь построенная при пріютѣ. Послѣ освященія престола и всѣхъ принадлежностей храма Преосвященный Серафимъ въ сослуженіи того-же духовенства совершилъ божественную литургію. За литургіей былъ рукоположенъ въ санъ священника окончившій курсъ духовной семинаріи Поповичъ Евсевій назначенный на священническое мѣсто въ с. Костичаны, Хот. уѣзда 2-го окр. Послѣ запричастнаго стиха архіерейскимъ хоромъ былъ исполненъ концертъ: «Милосердія двери отверзи намъ», муз. Кастальскаго. На освященіи храма и во время совершенія божественной литургіи присутствовалъ бессарабскій губернаторъ камергеръ Высочайшаго Двора И. В. Канкринъ, губернской предводитель дворянства А. И. Крупенскій, управляющій казенной палатой г-нъ Раевскій, многіе представители общественныхъ и казенныхъ учрежденій, воспитанницы пріюта во главѣ съ начальницей и учительскимъ персоналомъ и масса публики. Послѣ литургіи Преосвященный Серафимъ осмотрѣлъ все зданіе и бесѣдовалъ съ воспитанницами пріюта.

◆ Въ воскресенье вечеромъ акаѳистъ иконѣ Божьей Матери въ крестовой архіерейскаго дома церкви читалъ ректоръ духовной семинаріи архимандритъ о. Зиновій; въ сослуженіи монашествующихъ. На акаѳистѣ пѣлъ архіерейскій хоръ.

Редакторъ неофіціального отдѣла, статскій совѣтникъ,
преподаватель духовной семинаріи Василій Курдиновскій.

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 18 сентября 1911 года.

Цензоръ д. с. с. Андрей Пархомовичъ.
